

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА КАК ПЕРЕКРЕСТОК ДРЕВНЕЙШИХ ЛЕГЕНД И МИФОВ

Миф о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп, и преданий о Севильском Обольстителе. Эта встреча Святотатца и Обольстителя имела решающее значение для формирования и развития мифа о Насмешнике. Вопреки распространенному мнению основой для мифа послужила главным образом легенда об оскорблении черепа, а рассказы о распутном дворянине несли лишь вспомогательную функцию.

Легенда о повесе, оскорбившем череп, широко известна по фольклору и средневековым литературам многих стран Европы.¹ В сокровищнице испанского романсеро были обнаружены романсы, имеющие немало точек соприкосновения с пьесой Тирсо де Молины «Севильский Насмешник, или Каменный гость», в которой впервые оказались соединенными обе легенды: о распутном дворянине и о святотатце и богохульнике. Мотивы легенды о надругательстве над мертвецом можно обнаружить и в русском фольклоре. Весьма своеобразным вариантом этой легенды является один из рассказов о мертвецах, включенный А. И. Афанасьевым в его собрание русских сказок. Своеобразие этого сюжета заключается в том, что озорником и насмешником в этой сказке оказывается бедовая девка, «лежака», лентяйка, которой нипочем на спор и образ ночью с дверей церкви снять, и стащить, проходя мимо кладбища, с мертвеца саван. Однако за оскорбление мертвеца (да и вообще за бессмысленное и богохуль-

---

¹ См.: *Tubach F. C. Index Exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales.* Helsinki, 1969.

ственное удалство, тем более недопустимое, с народной точки зрения, что речь идет о девице) ее ждет расплата. Мертвец приходит за своим саваном и требует, чтобы она сама отнесла его туда, где взяла. Пытаясь ее спасти, родители хотят отслужить обедню. Однако «только как стали херувимскую петь, вдруг откуда-то поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да оземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась».²

В основе западно-европейских легенд, возможных фольклорных и литературных источников пьесы Тирсо де Молины и прежде всего испанских романсов лежит мотив кощунственного оскорбления черепа, что в большинстве случаев приводит к гибели героя. Череп — образное олицетворение смерти. Пиная его, выказывая к нему полное пренебрежение, герой испанского романса или фольклорного произведения других народов выказывает свое полное пренебрежение к смерти, вступает в конфликт с излюбленной мыслью церковно-назидательной литературы о тленности бытия, о беспомощности человека перед лицом смерти, о необходимости смирения. Вся легенда о Дон Жуане Тенорио тем самым воспринимается как приглашение к казни.

Любопытно, что на русской почве произведение, подобное мифу о Дон Жуане, также могло возникнуть на пересечении двух сюжетных линий: былины о поездке не верящего «ни в сон, ни в чох» Васьки Буслаева в Иерусалим и о его смерти, с одной стороны, и двух былин об Алеше Поповиче, в которых Алеша выступает уже не столько как богатырь, сколько как «бабий прелестничек» и «пересмешничек», — с другой. На пересечении тех же двух сюжетных линий, сочетание которых в Испании позднего Возрождения привело к созданию пьесы Тирсо де Молины, на русской почве вполне могло возникнуть произведение, наделенное многими из тех особенностей, которыми наделен «Севильский Насмешник, или Каменный гость». Однако если западно-европейские легенды, односторонне осуждающие и развенчивающие героя, нуждались в гении Тирсо де Молины, способного соединить их и дать им новую жизнь, то в древнерусской культуре потребности в таком соединении не возникло, поскольку обе линии и в отдельности несли в себе эту многоплановость, противоречивость и неоднозначность, не говоря уже о том, что в народном сознании они сосуществовали и частично «перетекали»

---

² См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М., 1985. Т. 3. С. 61, № 351.

одна в другую.³ В XIX же веке, когда потребность в таком соединении возникла, в распоряжении Пушкина оказалась уже многовековая традиция мифа о Дон Жуане, которая и была им блестяще использована.

Главный фабульный узел мифа, вне всякого сомнения, — мотив двойного приглашения. В нем оживают древнейшие языческие представления. По убедительной гипотезе Р. Шульца, легенда о Дон Жуане является ренессансным отголоском «традиции изображения оживающих мстящих статуй, возникшей в результате столкновения эпохи античного язычества и новой христианской религии, то есть эпохи возникновения Книдского мифа». «Косные истуканы, принадлежащие к гибнувшей религии — продолжает далее автор, — временами, казалось, оживали в первых веках нашей эры, особенно при Юлиане Отступнике, наблюдался рецидив язычества, а с ним как бы оживали и прежние кумиры. В иберийском ответвлении наблюдается то же столкновение двух исторических эпох, что и в Книдском мифе. Ожившая статуя или мертвец приходят из прошлого и мстят тем, кто не почитает память умерших». Согласно Шульцу, пушкинская версия восстанавливает некоторые фабульные узлы Книдского мифа, древнейших языческих преданий о мстящей статуе. То, что нередко воспринималось как особая дерзость и рискованность пушкинского замысла, свидетельство особой извращенности его героя, — приглашение Дон Гуаном Командора, превращенного Пушкиным из отца в мужа Доны Анны, — позволяет ввести в пьесу мотив мести из ревности, коль скоро статуя разъединяет влюбленных. Мотив мстящей статуи, разлучающей влюбленных в «Каменном госте» оказывается особенно рельефным в связи с тем, что у Пушкина при расплате присутствует именно Дона Анна, а не Лепорелло (как у Моцарта) или Станарель (как у Мольера). Речь, по мнению Р. Шульца, здесь идет о сближении с ключевыми мотивами Книдского мифа и отдалении от его иберийского ответвления, поскольку «пушкинская статуя разъединяет влюбленных, то есть статуя убивает Дон-Жуана в присутствии женщины».⁴

Пушкин не случайно писал, что в «Маленьких трагедиях» не будет любовной пружины. В сущности, не любовная интрига лежит в основе «Каменного гостя» (как не она, а мотив оскорбления черепа послужил основой мифа как такового), обогащенного, на наш взгляд, фаустовской темой. Еще Белинский назвал

³ Подробнее об этом см.: с. 156—160 наст. изд.

⁴ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 79.

Дон Гуана Пушкина «испанским Фаустом».⁵ Однако тот же Белинский не мог не знать, что «испанским Фаустом» называли Киприана — героя одной из самых знаменитых религиозно-философских пьес Кальдерона «Маг-чудодей». По сравнению с легендой о докторе Фаусте в испанских версиях предания о договоре человека с дьяволом, и прежде всего в «Маге-чудодее» Кальдерона, герой вступает в договор с дьяволом исключительно за обладание женщиной. Не может быть никакого сомнения в том, что знаменитая драма привлекла внимание Пушкина: в четырехтомном лейпцигском издании произведений Кальдерона на испанском языке 1827—1828 гг., приобретенном Пушкиным, именно в драме «Маг-чудодей» разрезаны страницы.⁶

Встреча Дон Жуана и Фауста в эпоху романтизма в одном сюжете — это вторая по значимости для развития мифа встреча после пересечения, контаминации двух легенд в замысле Тирсо. Сальвадор де Мадариага, определяя контуры и роль мировых образов в развитии европейской цивилизации, писал, что Фауст и Дон Жуан оказались символами двух путей — интеллектуального и эротического, — на которых европеец мог реализовать себя.⁷ В эпоху романтизма появились произведения, например стихотворная трагедия Х. Д. Граббе «Дон Жуан и Фауст», в которых оба героя сведены в едином сюжете. Однако философский смысл введения Пушкиным в миф о Дон Жуане фаустовской темы значительно глубже. В судьбу Дон Гуана Рок вторгается именно в ту минуту, когда он, в сущности, говорит «остановись, мгновенье, ты прекрасно», когда он наконец-то обретает гармонию и полноту счастья, но изменяет донжуановскому принципу, суть которого — вечное движение. Намек на фаустовскую тему, в основе которой лежат раннехристианские легенды о человеке, продавшем душу дьяволу, в том числе за обладание женщиной, есть и в самом тексте «Каменного гостя». Вспоминая долгие, длившиеся целых три месяца безуспешные попытки Дон Гуана обольстить Инезу, Лепорелло говорит: «Насилу-то помог Лукавый».⁸ Следует также отметить, что самое неожиданное в пушкинском Дон

---

⁵ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: Статья // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 569.

⁶ Las comedias de D. Pedro Calderón de la Barca, cotejadas con las mejores ediciones hasta ahora publicadas, corregidas y dadas a luz por Juan Jorge Keil. Leipzig, 1827—1828, T. 1—4. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1919. С. 183.

⁷ См.: Мадариага С. Дон Жуан как европеец / Вожди умов и люди. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., 2003. С. 320.

⁸ Пушкин (А. С.) Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. VII. С. 139.

Гуане, удаляющее его от традиции куда больше, чем замена Севильи на Мадрид, — это его тайная верность прошлому, способность к возвратам. Первым сигналом его последующей способности к измене донжуановскому принципу служит немислимое в предшествующих трактовках сюжета воспоминание о любимой им прежде женщине. Ни один из предшествующих вариантов мифа не допускает также сознательного возвращения Дон Жуана к прежней любовнице, вместо того чтобы искать все новые приключения. В сущности уже это является отказом от донжуановского принципа. Не только возможным, но даже закономерным тогда оказывается и третий — решающий — аккорд: готовность остановить мгновение, прервать порочный круг, бесконечную череду все новых увлечений. Отметим в этой связи, что заложенное в пушкинском замысле противопоставление полярных начал — неподвижности и движения, безжизненности и жизни, выявленное Р. Якобсоном,⁹ оказывается как бы перевернутым в последней сцене между ожившей статуей и Дон Гуаном, готовым остановиться.

К числу мировых сюжетов с многовековой историей относится легенда, впервые получившая законченную форму во вставной новелле «Сатирикона» Петрония. История о целомудренной матроне из Эфеса как источник мотива перерождения добродетельной вдовы, готовой изменить с новым поклонником памяти своего горячо любимого мужа прямо на его могиле, была впервые указана Э. Дешанелем.¹⁰ Дона Анна с той же решительностью, что и эфесская матрона, настаивает на своей верности покойному супругу, однако на могиле лишь назначает свидание (с той же, впрочем, легкостью, поразившей даже Дон Гуана). Между тем данная замена малосущественна, поскольку она приглашает Дон Гуана к себе домой, т. е. в дом своего покойного мужа. Эту гипотезу впоследствии детально аргументировал Л. С. Осповат, обративший также внимание на то, что мотивы легенды об эфесской матроне — любовные ласки в соседстве со смертью — нашли также отражение во 2-й сцене «Каменного гостя», не имеющей аналогии в традиционном сюжете о Севильском Обольстителе.¹¹

Наконец, коль скоро Командор у Пушкина становится мужем Доны Анны, «Каменный гость» входит в круг разработок миро-

---

⁹ См.: Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 166—167.

¹⁰ См.: Deschanel É. Corneille, Rotrou, Molière: Les Don Juan de toutes les littératures. Paris, 1891. P. 351.

¹¹ Осповат Л. С. «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания. (В печати).

вого сюжета «Муж на свадьбе своей жены». В известной мере об этом свидетельствует уже название, в котором акцент сделан на идее расплаты, на появлении мужа, хотя и приходящего с того света, однако заявляющего о своих правах. Кстати говоря, к разработкам мирового сюжета типа «Муж на свадьбе своей жены» относится и вышеупомянутая былина о Добрыне Никитиче, его жене и Алеше Поповиче. Среди вариантов этой популярнейшей былины мы находим целую россыпь нелестных характеристик Алеши, вложенных в уста Добрыни, наказывающего жене не ходить на него замуж. Отметим также, что в некоторые варианты былины о неудавшейся женитьбе Алеши включается мотив мертвой головы («А Олеша съездил в поездку и рассказывает: Ехал чистым полем и видел Добрынину головушку — Добрынина голова под кустом лежит, вороном выклевана»).¹² А в одном варианте Алеша даже привозит с собой голову и выдает ее за голову Добрыни.¹³ Мотив надругательства над мертвецом вплотную, таким образом, соприкасается с мотивом о хитреце, пытающемся овладеть чужой женой. Немаловажно также, что и до «Каменного гостя» Пушкина подчас происходила контаминация, пересечение мотивов легенд о муже на свадьбе своей жены и о женихе-мертвце. Об одной из них, бытовавшей во французском фольклоре, упоминает Н. Ф. Сумцов: «В одной старинной французской песне, сохранившейся донныне в народе, мотив о возвращении мужа примкнул к другому циклу сказаний и песен — о женихе-мертвце. По прошествии семи лет рыцарь возвращается на родину в тот день, когда его невеста должна была выйти замуж. Он так изменился, что никто не узнает его; его приглашают на ужин; он садится, играет в карты, выигрывает невесту; тогда он снимает маску, и все видят мертвеца с огненными глазами. Мертвец уносит невесту».¹⁴

Своеобразие пушкинской трактовки донжуановского мифа признавалось всеми. При этом подчеркивались разные его особенности, да и выводы при этом делались различные, вплоть до утверждения, что только великий русский поэт был способен проникнуть в глубинную суть мифа: «Для нас важно только то, — писал, например, М. Полтавский, — что ни один из Дон-Жуанов западно-европейской литературы, в том числе и незаконнорожденное детище А. Толстого (потому что оно подражание запад-

¹² Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 305.

¹³ См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб. 1910. С. 324.

¹⁴ Сумцов Н. Ф. Муж на свадьбе своей жены. М., 1893. С. 9.

но-европейским образцам), не был настоящим Дон-Жуаном. *Правильное* (курсив мой, — В. Б.) воплощение этого типа суждено было дать только истинно-русскому поэту, нашему великому, нашему несравненному Пушкину»¹⁵

Думается, своеобразие пушкинской трактовки в значительной мере заключается в том, что «Каменный гость» является перекрестком многих древнейших легенд и мифов, а не только традиционно учитывающихся легенд об оскорблении черепа и о распутном дворянине.

---

¹⁵ *Полтавский М.* Перевроплощенный Дон-Жуан. // *Вестн. иностр. лит.* СПб., 1899. № 6. С. 23.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

В. Е. Багно

РОССИЯ
И ИСПАНИЯ:
общая граница

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006